

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_43

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ И РОЛИ КНР В НЕМ

(Анализ книги: Breslin, S., & Xiao, R. (Eds.). (2021). *China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship*. Routledge)

Дарья Михайловна Ковба,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
dmkovaljova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2022, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Ковба Д.М. Китайские ученые о новом мировом порядке и роли КНР в нем // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 43-61. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_43

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей китайского академического дискурса в области международных отношений. Актуальность работы обусловлена высоким интересом российских авторов к внешней политике Китая, его стратегиям, продвигаемым им «большим идеям». Официальные заявления лидеров Китая нередко становятся частью повестки дня мировых средств массовой информации, однако за кадром остаются мнения китайских ученых. В данном случае интересно, как последние интерпретируют различные аспекты глобального подъема КНР, каких исследовательских традиций они придерживаются, как оценивают состояние национальной школы международных отношений, какие стратегии глобального управления предлагают. Материалом для статьи послужила книга *China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship*, вышедшая на английском языке в сентябре 2021 г. Ее содержание – результат аккумуляции взглядов китайских авторов, труды которых, как правило, издаются на китайском языке и недоступны

© Ковба Д.М., 2022

англоязычной и русскоязычной аудитории. В результате анализа материала было установлено, что китайские исследователи осознают и поддерживают установку лидеров страны на поднятие престижа национальной науки. Создание китайской школы международных отношений призвано снизить доминирование западных теорий. Выявлено, что, по мнению исследователей, китайские внешнеполитические приоритеты должны заключаться в наращивании стратегического потенциала, институциональной мощи и нормативной власти. При этом наиболее упоминаемым сценарием мирового порядка является идея симбиотического существования. Можно утверждать, что большинство китайских исследователей поддерживают более активное участие страны в формировании нового мирового порядка, но выступают против явной и открытой конфронтации с США, Россией и другими крупными государствами. Другие особенности дискурса – постулируемая необходимость учета национальной специфики как в академической сфере, так и при реформировании различных институтов, а также идея установления справедливости в ситуации неравенства западных государств и развивающихся стран.

Ключевые слова:

КНР, международные отношения, китайская внешняя политика, возвышение Китая, нормативная сила, система глобального управления, китайская специфика, стратегия Китая.

UDC 327

DOI 10.17506/18179568_2022_19_1_43

CHINESE SCIENTISTS ON THE NEW WORLD ORDER AND THE ROLE OF CHINA IN IT

(Book analysis: Breslin, S., & Xiao, R. (Eds.). (2021). China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship. Routledge)

Daria M. Kovba,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
dmkova@jova@mail.ru

Article received on January 10, 2022, accepted on February 10, 2022

For citation: Kovba, D.M. (2022). Chinese Scientists on the New World Order and the Role of China in It. *Discourse-P*, 19(1), 43-61. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_43

Abstract

The article is devoted to the study of the features of Chinese academic discourse in the field of international relations. The relevance of the work is due to the high interest of Russian authors in China's foreign policy, its strategies, and the "big ideas" promoted by it. Official statements by Chinese leaders often become part of the agenda of the world media, but the opinions of Chinese scientists remain behind the scenes. In this case, it is interesting how they interpret various aspects of the global rise of the PRC, what research traditions they adhere to, how they assess the state of the national school of international relations, and what global governance strategies they offer. The material for the article was the book "China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship", published in English in September 2021. Its content is the result of the accumulation of views of Chinese authors whose works, as a rule, are published in Chinese, and therefore are unknown to English- and Russian-speaking audiences. As a result of the analysis of the material, it was found that Chinese researchers are aware of and support the policy of the country's leaders to raise the prestige of national science. The creation of the Chinese School of International Relations is intended to reduce the dominance of Western theories. It is revealed that, according to the researchers, building up strategic capacity, institutional strength, and normative power should be the Chinese foreign policy priorities. At the same time, the most mentioned scenario of the world order is the idea of symbiotic existence. It can be argued that the majority of Chinese researchers support more active participation of the country in the formation of a new world order, but oppose explicit and open confrontation with the United States, Russia and other major states. Other features of the discourse are the postulated need in consideration of the national specifics both in the academic sphere and while reforming various institutions; as well as the idea of establishing justice in the situation of inequality of Western states and developing countries.

Keywords:

PRC, international relations, Chinese foreign policy, rise of China, normative power, global governance system, Chinese characteristics, Chinese strategy.

Введение

По мнению исследователей, трансформация глобальной международной среды и изменение роли Китая в новом мировом порядке – тема, содержащая «пока больше вопросов, чем ответов» (Купряшкин, 2019, с. 37). Данная проблематика неизменно вызывает бурные споры в академической и публицистической литературе, публичных выступлениях. Ученые выдвигают гипотезы о том, кто станет новым глобальным лидером, оценивают возможность скорого упадка США и возвышения Китая, перечисляют ограничения и препятствия на пути роста КНР, анализируют последствия «подъема» Китая для отдельных стран, регионов и мира в целом.

Среди отечественных авторов, исследующих перспективы Китая стать глобальным гегемоном, можно упомянуть В. В. Шишкова (2017),

Л.Г. Фишмана (2021), А.Д. Воскресенского (2020), И.В. Купряшкина (2019) и др. Кроме того, ученых волнуют такие вопросы, как роль Китая и России в новом глобальном мироустройстве (Дмитриева, 2019), отношения Китая и США (Мосяков, Шпаковская, 2018), влияние пандемии COVID-19 на положение КНР на мировой арене (Арсентьева, 2021), инициатива «Один пояс – один путь» (Гамерман, 2021), «большие идеи», выдвигаемые китайским правительством («мирный подъем», «мирное развитие», «сообщество единой судьбы человечества») (см., например, Помозова, 2021) и многие другие. В целом интерес российских ученых к исследованию внешней политики КНР, а также анализу академических трудов китайских авторов, занимающихся данной темой, очень большой: достаточно сказать, что по данным одной из крупнейших научных электронных библиотек «КиберЛенинка», количество статей, посвященных исследованию данной проблематики, вышедших с 2017 г. по настоящее время, превышает 16 тыс.

Вместе с тем изучение текстов китайских ученых исторически было сопряжено с рядом проблем технического (недоступность работ, необходимость их перевода с китайского языка) и содержательного (зависимость китайских исследователей от высшего руководства, трансляция линии партии и связанная с этим вторичность идей) плана. Однако в последнее десятилетие ситуация начала меняться: китайские исследователи в области политической науки и международных отношений стали активнее заявлять о себе. Перечислим факторы, которые этому способствовали:

1) китайские авторы начали завоевывать англоязычное пространство и публиковать результаты своих исследований в ведущих научных журналах, входящих в известные международные базы – *Web of Science*, *Scopus* и др.;

2) возросло число китайских журналов, публикующих статьи не только на национальном, но и на английском языке;

3) «увеличилось количество университетских факультетов, в которых преподаются и исследуются проблемы мировой политики и международных отношений... произошел резкий рост научно-исследовательских институтов и аналитических центров как на национальном уровне, так и на уровне провинций... в результате научное сообщество в этой сфере было признано одним из самых динамичных и быстроразвивающихся ветвей мирового... сообщества международных отношений» (Zhang, 2020, p. 284);

4) китайские ученые начали постепенно отходить от ортодоксального марксизма, благодаря чему их научные изыскания стали более авторскими; увеличилось тематическое разнообразие статей; в результате попыток объединить национальную идеологию с традиционными китайскими ценностями тексты приобрели особую специфику (соответствующее предложение китайского правительства исследовано в работе директора Института международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтуна (Yan, 2018, p. 20));

5) Китай, наряду с такими странами, как Сингапур, Южная Корея, Индия, стал одним из крупнейших центров азиатской академической мобильности (Ковба, Грибовод, 2019, с. 21); благодаря студенческому и научному обмену произошла постепенная трансформация китайской науки; ученые из КНР адаптируют западные теории, нередко критикуют их и выступают с новаторскими гипотезами.

Перечисленные выше изменения дают представление о том, насколько сложное, большое и разноплановое научное сообщество формируется сегодня в Китае. Разнообразие мысли может вызвать удивление у российского читателя, который нередко имеет стереотипные представления о китайской науке (считается, что она догматична и не отличается многообразием). Возможность в этом убедиться, а также углубить знания о китайском академическом дискурсе дает вышедшая в сентябре 2021 г. книга *China Debates Its Global Role: Chinese Scholars on Chinese Scholarship*¹ (Breslin & Xiao, 2021), анализу которой посвящена данная статья.

Результаты исследования

В отличие от массива работ, продающихся большими тиражами на крупнейших платформах электронной коммерции и являющихся скорее художественными размышлениями о судьбах глобального порядка, данная книга представляет собой сборник научных статей, первоначально опубликованных в специальном выпуске известного журнала *The Pacific Review*². Именно добротный научный материал делает эту книгу полезной и интересной для читателей. В ней поднимаются следующие вопросы: каково, по мнению китайских ученых, состояние национальной школы международных отношений; в чем специфика исследовательских традиций, сложившихся при изучении китайской внешней политики; каковы внешнеполитические планы и стратегии Китая; какую концепцию глобального мирового порядка может предложить КНР и т. д.

Редакторами книги являются Шон Бреслин и Сяо Жэнь. Шон Бреслин – профессор политики и международных исследований Уорикского университета (Великобритания), ведущий британский эксперт в области китайской экономики, политики и регионализма. Из-под его пера вышли такие произведения, как «Китай и мировая политическая экономика» (Breslin, 2007), где исследованы взаимосвязи между внутренней политикой Китая и вовлечением его в мировую экономику, и «Мао» (Breslin, 2000) – книга о деятельности Мао Цзэдуна, анализирующая личность китайского лидера с разных сторон – как революционера, лидера страны, идеолога и политика. Второй редактор, Сяо Жэнь, занимает должность профессора международной политики в Институте международных исследований Университета Фудань в Шанхае, где он также возглавляет Центр изучения внешней политики Китая. Его авторству также принадлежит книга «Новые рубежи во внешних связях Китая» (Xiao & Carlson, 2011), в которой дается критическая оценка упрощенным интерпретациям подъема КНР.

В предисловии редакторы отмечают, что целью сбора материала и объединения позиций ряда авторов под одной обложкой является «анализ дискуссий в области международной политики и обсуждений глобальной роли Китая, происходивших внутри страны в последние годы» (Breslin & Xiao, 2020, p. 357). Уникальность издания состоит в том, что в нем представлены материалы, обыч-

¹ На русский язык название можно перевести следующим образом: «Китай обсуждает свою глобальную роль: китайские ученые о китайском научном сообществе».

² Далее по тексту мы будем ссылаться на статьи данного журнала, а не на аналогичные главы книги.

но доступные только на китайском языке, из-за чего западным читателям, как правило, сложно получить к ним доступ и корректно интерпретировать.

Книгу открывает глава, посвященная обзору исследовательских традиций при изучении внешней политики Китая (Feng & He, 2020). Она начинается с описания проблем, возникающих при анализе внешней политики, одной из которых является недостаток данных. Это действительно любопытный фрагмент, поскольку у иностранных исследователей может существовать иллюзия большой осведомленности китайских авторов. В действительности же большинство ученых из КНР имеют ограниченный доступ к процессу принятия решений, и им, так же как и внешним наблюдателям, сложно судить, «как и почему Китай принял то или иное политическое решение в определенное время, а также когда и при каких условиях он изменит свой внешнеполитический курс в будущем» (р. 363). Что же касается сложившихся исследовательских традиций по изучению внешней политики КНР, то они следующие:

1) традиционное регионоведение, которое подразумевает обширную полевую работу по сбору материала, проведение интервью с представителями китайской политической элиты; как правило эксперты, придерживающиеся данного направления, хорошо владеют китайским языком и имеют глубокое понимание китайской истории и культуры; недостаток данного подхода – необходимость наличия личных связей с чиновниками для интервьюирования, а также узкая специализация исследований (Feng & He, 2020, р. 365);

2) применение теории международных отношений к китайской внешней политике (имеется в виду дедуктивный переход от теории к фактам); преимуществом такого подхода является то, что исследователю не требуются специфические знания об истории и культуре Китая для анализа внешнеполитического курса; авторы придерживаются различных методологических позиций (реализм, конструктивизм, либерализм) при изучении КНР как растущей мировой державы, выстраивающей различные отношения с другими государствами; недостатком этого подхода является игнорирование многих неявных культурных факторов, оказывающих влияние на поведение лиц, принимающих решения (р. 365);

3) третий подход объединяет регионоведение и международные отношения; такой комплексный анализ призван максимизировать сильные стороны двух предыдущих подходов, однако он задает очень высокие стандарты для исследователей в плане их теоретической подкованности и владения языком (р. 366).

Второй раздел книги посвящен исследованию дебатов вокруг создания китайской школы международных отношений. Утверждается, что еще в 1991 г. на первой Конференции по теории международных отношений, прошедшей в Шанхае, Хуань Сян, занимавший пост генерального директора Китайского центра международных исследований и советника по внешней политике, выдвинул предложение о создании теории международных отношений с китайской спецификой (Xiao, 2020, р. 387). Эту идею поддержал профессор Пекинского университета Лян Шоудэ. По его мнению, «китайские особенности» означают не только «необходимость признания национальной специфики в области международных отношений в разных странах, но также подразумевают наличие новаторского духа и стремления к совершенству» (р. 387). Тем не менее различия в трактовках «китайских особенностей» или «китайской

специфики» показали, что сами исследователи подчас не понимают, какой смысл закладывается в этот термин. Более того, скептики иронически пишут о том, что это просто калька с популярного политического лозунга «социализм с китайской спецификой» (р. 388).

Интересны мотивы создания такой школы. Дело в том, что китайские исследователи достаточно часто «выражают беспокойство по поводу доминирования американской теории международных отношений» и критикуют китайское научное сообщество за то, что оно «позволяет американским авторам оказывать на себя слишком большое влияние» (Xiao, 2020, р. 391). Создание китайской школы международных отношений призвано переломить в свою пользу ситуацию доминирования западных теорий. Кроме того, одна из причин связана с глобальным статусом Китая как страны-производителя знаний: «Точно так же, как государства могут относиться к «ядру» или «периферии» в области политики и экономики, они могут быть отнесены к той или иной категории в сфере производства интеллектуальных продуктов и идей» (р. 391). Таким образом, китайские исследователи осознают и поддерживают установку на поднятие престижа национальной науки.

Третья глава посвящена обсуждению стратегических планов Китая. Многие российские читатели, интересующиеся внешней политикой КНР, знают, что в течение долгого времени после окончания холодной войны китайские дипломаты следовали наказу Дэн Сяопина «вести себя сдержанно». С тех пор лозунг значительно трансформировался, однако этапы его эволюции известны немногим – в основном на слуху провозглашенная «Си Цзиньпином в 2013 г. внешнеполитическая стратегия «стремления к достижениям» (Ломанов, 2020, с. 42). Автор третьей главы, профессор Вэй Лин, пишет, что в действительности первоначальный лозунг утверждал необходимость «вести себя сдержанно, достигая при этом некоторых результатов» (Wei, 2020, р. 414). После чего в 2011 г. на смену ему пришел принцип «проактивного достижения». В 2013 г. он преобразовался в «стремление к достижению», а в 2017 г. – в «стремление к достижениям в новую эру» (р. 431).

Каждая из этих трансформаций подробно обсуждалась в китайской научной среде. В целом исследователи соглашались с необходимостью проведения более активного дипломатического курса (Wei, 2020, р. 431). Утверждалось, что по мере экономического подъема КНР и принятия им новых международных обязательств, выполнять принцип «сдержанности» становилось все сложнее, поэтому на первый план вышла задача определения внешнеполитических приоритетов. Обобщая результаты научных дискуссий, Вэй Лин пишет, что такими целями могут быть «наращивание стратегического потенциала, институциональной мощи и нормативной власти» (р. 431). Большинство китайских ученых полагают, что приоритетом Китая должен быть, во-первых, Восточноазиатский регион, а во-вторых, страны, которые могут выполнять функцию ключевых узлов при реализации инициативы «Один пояс – один путь». Более того, китайские авторы уверены, что «стремление к достижениям» требует превращения Китая из бенефициара в инициатора трансформаций институциональной среды. В то же время ученые предостерегают от чрезмерного акцента на «стремлении к достижениям» из-за вероятной идеологической конфронтации с США и Западом в целом.

В четвертой главе раскрывается понимание китайскими исследователями современного глобального порядка, а также перечисляются предложения по его реформированию. Авторы пишут, что для них (как и для китайских ученых, чьи статьи они анализируют), современный мировой порядок является гибридным. Он представляет собой сложный конструкт, состоящий из мирового порядка, основанного на принципе суверенитета и закрепленного в Уставе ООН, а также из нового либерального порядка под руководством США (Chen & Zhang, 2020, p. 442). Интересно, что изначально Китай не признавал либеральные экономические институты (такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле, которое затем сменила Всемирная торговая организация) и не присоединился к ним (p. 444). Однако постепенно лидеры КНР осознали необходимость принятия глобальных правил и норм, регламентирующих либеральную торговлю и инвестиции. Для Китая это был единственный способ участвовать в экономической глобализации и организовывать взаимовыгодное сотрудничество. КНР пришлось приложить огромные усилия для реформирования своей экономической системы. По мнению исследователей, сегодня Китай признает, что часть либерального международного порядка легитимна и должна быть сохранена (p. 444). Помимо экономических правил и норм, эта страна продемонстрировала готовность принимать глобальные правила игры и в других областях.

Однако признавая важность международных правил и институтов, Китай не согласен с некоторыми нормами (например, он отстаивает концепцию интернет-суверенитета (Chen & Zhang, 2020, p. 445)). Помимо этого, китайские авторы настаивают на необходимости глобальной реформы системы мирового порядка. Данная потребность, по их мнению, обусловлена следующими причинами:

1) западные страны занимают центральное место в мировой политической системе; они определяют повестку дня, формируют общественное мнение, активно участвуют в глобальном управлении; многие либеральные правила и нормы были сформированы Западом и отвечают его ценностям и интересам; одновременно с этим большинство развивающихся стран находится в невыгодных и несправедливых условиях (p. 447);

2) ключевые глобальные институты, созданные для поддержания текущего мирового порядка, устарели с точки зрения репрезентативности; в качестве примера китайские авторы приводят монополию США и европейских стран во Всемирном банке и Международном валютном фонде, тогда как доля квот Китая в этих организациях слишком мала и не соответствует экономическому весу данной страны (p. 448);

3) в ближайшем будущем назреет проблема дефицита общественных благ (имеется в виду оказание разного рода помощи); по мнению китайских авторов, в долгосрочной перспективе доминирование США пойдет на спад; одновременно с этим снизится готовность этого государства предоставлять международные общественные блага; условия оказания помощи европейскими странами также не устраивают многие государства по причине привязки этой помощи к политическим требованиям для расширения сетей безопасности и продвижения демократии (p. 449);

4) корыстная национальная политика западных стран нередко оказывает негативное воздействие на незападный мир; в качестве примера приводится

случай Ливии (после военной интервенции 2011 г. и произошедшей там смены режима, ни у США, ни у его союзников не было постконфликтного плана восстановления этой страны) (р. 449).

Таким образом, китайские авторы считают, что их государство, как и многие развивающиеся страны, находится в невыгодном положении относительно некоторых существующих институтов и норм. Они полагают, что новый мировой порядок будет характеризоваться увеличением мощи незападных стран. Этим государствам должно быть позволено участвовать в процессе нормотворчества соразмерно их экономическому весу и влиянию (Chen & Zhang, 2020, р. 449). Что касается конкретных сценариев нового мирового порядка, то наиболее упоминаемой является идея симбиотического существования. Утверждается, что одновременно с постепенной трансформацией Китая из региональной державы в мировую происходит переход к гармоничному симбиозу – порядку, при котором страны, вне зависимости от их размера, культуры, мощи и ценностей, смогут существовать на равных и приносить друг другу выгоду. В симбиотической системе страны имеют взаимосвязанные интересы, права и обязанности (р. 457).

Другие менее популярные сценарии – это воплощение идеи Тянься (семья государств и людей, следующих набору правил и ритуалов; подвергается критике, т. к. в рамках этого направления предполагается существование всемирного института, обладающего высшей политической властью) и идеи лидерства на основании морального превосходства (предполагается, что Китай должен стать моральным авторитетом и установить справедливую систему отношений; критикуется за высокий риск возникновения биполярности – жесткой конкуренции с США).

И, наконец, четвертый сценарий связывается с продвигаемой председателем КНР Си Цзиньпином концепцией «сообщества единой судьбы человечества». Этот сценарий подразумевает существование суверенных государств и многополярности и предлагает выработку многосторонних и двусторонних механизмов для увеличения сотрудничества. По сути, это не замена существующего порядка, а его улучшение (Chen & Zhang, 2020, р. 458).

В целом можно сделать вывод о том, что китайские ученые выдвигают достаточно оптимистические предположения относительно роли Китая в будущем мировом порядке: даже если КНР не станет новой доминирующей силой, США будут постепенно утрачивать лидирующие позиции.

Пятый раздел посвящен критическому анализу стратегий глобального управления, предлагаемых китайскими учеными. Автор раздела Лю Хунсун, профессор Школы международных и общественных отношений Шанхайского университета Цзяотун, пишет о существовании четырех вариантов решения проблемы глобального управления (Liu, 2020, р. 478). Читателям не стоит труда догадаться, какой вариант считается базовым и наиболее популярным. Это воплощение на практике идеи «сообщества единой судьбы человечества». Согласно второй точке зрения, Китай должен сделать ставку на свой путь, а также на практический опыт, накопленный за период реформ и открытости. Утверждается, что китайский путь может быть привлекателен для стран, желающих ускорить свое развитие и в то же время сохранить независимость. Сторонники третьего варианта предлагают опираться на конкретные рабо-

чие схемы при решении глобальных проблем, совершенствовать механизмы глобального управления и принимать во внимание интересы развивающихся стран. Четвертая точка зрения предполагает ряд опций для решения проблемы глобального управления – от дополнения и модификации текущей модели управления до поиска альтернатив ей (р. 478). К сожалению, Лю Хунсун не раскрывает в деталях четвертую точку зрения. В текущем виде она представляет собой сухой остаток, получившийся в результате анализа и синтеза текстов статей, посвященных решению проблемы глобального управления.

В качестве конкретных шагов при реализации стратегии глобального управления предлагаются следующие варианты:

1) продвигать власть институционального дискурса; утверждается, что институциональная власть КНР по-прежнему слаба; Китаю следует продвигать реформу системы международных институтов и предлагать больше общественных благ для мирового сообщества (Liu, 2020, р. 479);

2) содействовать трансформации системы глобального управления; Китай должен постоянно предлагать макроконцепции и отстаивать глобальные инициативы, исходя из собственных потребностей и возможностей; помимо этого, КНР следует взять на себя роль защитника, разработчика, реформатора и, в идеале, лидера системы глобального управления;

3) возглавить реформу системы глобального управления с использованием китайского опыта; КНР должна привносить в нее китайскую мудрость, а также поддерживать дискурсивное влияние развивающихся стран;

4) интегрировать национальное и глобальное управление, внутреннюю и внешнюю политику; утверждается, что текущая система национального управления ограничивает степень участия страны в глобальном управлении, поэтому прежде всего Китай должен заняться ее модернизацией (р. 481).

Помимо общих стратегий, китайские ученые предлагают руководству КНР обратить внимание на ряд ключевых областей: пересмотреть статус управления Антарктикой, занять лидерские позиции в области контроля киберпространства, а также изменить систему управления космическим пространством, опираясь на идею «сообщества единой судьбы» в отношении космоса (р. 485).

В то же время Лю Хунсун указывает на недостатки в трудах китайских ученых. Так, последние в основном анализируют идеи и концепции, предлагаемые китайским руководством, и не рассматривают фактические действия Китая в сфере глобального управления. Если при Ху Цзиньтао авторы изучали, как участие в глобальном управлении будет способствовать мирному развитию Китая и построению гармоничного мира, то при Си Цзиньпине исследования направлены на интерпретацию таких политических дискурсов, как «сообщество единой судьбы человечества», «Один пояс – один путь». Лишь немногие авторы исследовали условия, при которых КНР сможет успешно формировать повестку дня (Liu, 2020, р. 486). Более того, сложно обнаружить отличия в представленных выше четырех вариантах решения проблемы глобального управления, ведь, по сути, они не исключают друг друга и используют идею «сообщества единой судьбы» в качестве руководящего принципа (р. 486). Наибольший недостаток работ, полагает Лю Хунсун, – отсутствие конкретики: авторы не разъясняют, как именно китайские власти смогут использовать опыт внутреннего управления во внешнеполитической сфере (р. 487), не предлагают

конкретных политических мер, не определяют, какие инструменты КНР может использовать для продвижения институционального дискурса и установления повестки дня, не анализируют данные по конкретным проектам инициативы «Один пояс – один путь» (р. 488).

Таким образом, можно сделать вывод о сосредоточенности китайских авторов на предлагаемых правительством дискурсах, об отсутствии эмпирической и иной доказательной поддержки своих идей. Предлагаемые исследователями решения находятся скорее в идейной, чем в тактической области.

В шестом разделе книги исследуется дискуссия об отношениях Китая с соседними странами и ведущими мировыми державами, а также анализируются позиции американских экспертов по поводу стратегических намерений КНР (Wang & Meng, 2020). Благодаря этому материалу можно сформировать общее представление о китайском академическом дискурсе в области международных отношений, сделать выводы о наличии лидеров мнений по определенным вопросам, а также о том, какая позиция является доминирующей и насколько она совпадает с официальной позицией партии.

Так, необходимость построения союза Китая и России отстаивает один из самых видных китайских ученых в области международных отношений Янь Сюэтун. Его работы хорошо известны отечественным специалистам, они не раз публиковались и обсуждались на страницах ведущих российских журналов (см., например, Кривохиж, Соболева, 2017). По мнению Янь Сюэтун, Пекин и Москва разделяют одни и те же стратегические интересы и проблемы безопасности. Однако его точка зрения – скорее исключение. Большинство китайских исследователей занимают нейтральную позицию и считают, что наиболее рациональная стратегия – поддержка квази-альянса. Они прогнозируют дальнейшее следование принципу «налаживания партнерства без образования союза». Эта позиция в целом совпадает с официальной линией Пекина, в соответствии с которой «стратегическое партнерство России и Китая является внеблоковым, неконфронтационным и не нацелено на третьи страны» (Wang & Meng, 2020, р. 497).

Интересный дискурс сложился вокруг оценки политики США в Восточной Азии. Так, Лю Фэн из Нанькайского университета утверждает, что для ослабления американских позиций Китаю следует активнее формировать коалиции со странами региона для решения различных проблем, а также приносить экономические выгоды дружественным странам и налагать санкции на «нарушителей спокойствия» (Wang & Meng, 2020, р. 501). Чжун Чжэньмин из Университета Тунци убежден, что Китай может использовать «стратегию клина», чтобы расколоть оппонентов. В отношении слабых членов системы альянсов США могут быть применены такие меры, как заверения, переговоры и даже умеренное принуждение. Тем не менее такая точка зрения не является доминирующей. Большинство китайских исследователей-международников считают, что КНР не должна оказывать чрезмерное давление на страны, т. к. это может привести к непредсказуемым последствиям и даже изоляции Китая (р. 502). Часть авторов рассматривает возможность стратегического компромисса с США: Китай должен признать интересы и военное присутствие США в западной части Тихого океана, в то время как США должны согласиться с законными интересами КНР в прибрежных районах Восточной

Азии и принять переход Китая из статуса «сухопутной державы» в статус «комбинированной морской и сухопутной державы» (р. 503).

Какой вывод можно сделать из этих дискуссий? Принимая во внимание обеспокоенность США глобальным подъемом Китая³, создается впечатление, что Соединенные Штаты могли преувеличить стратегические намерения Китая. По крайней мере, такой посыл содержится в трудах китайских ученых: вместо того, чтобы писать о необходимости свержения гегемонии США и установления гегемонии Китая в регионе, большинство авторов не поддерживают идею создания конкурирующего альянса для противодействия системе альянсов под руководством США, а также не имеют явных стратегических намерений вытеснить США из региона.

Таким образом, учитывая содержание этого и предыдущих разделов, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, китайские исследователи поддерживают более активное участие Китая в формировании нового мирового порядка; с другой – выступают против открытой конфронтации. Эта позиция полностью соответствует официальной позиции правительства, придерживающегося принципов мира и развития. Скорее всего, следует говорить не о намерении КНР лишить США лидерских позиций, а неявном и постепенном ослаблении стратегических позиций США и формировании более сбалансированной системы распределения власти, по крайней мере, в ближайшем будущем.

Вместо заключения

Не будем раскрывать содержание последних двух разделов, посвященных исследованию проблем оказания помощи развивающимся странам (Huang & Ли, 2020) и становления международного права Китая (He, 2020), хотя признаем, что в них представлен достаточно богатый и интересный для специалистов материал. Вместо этого выделим некоторые моменты, бросающиеся в глаза при чтении этих и предыдущих разделов.

Во-первых, о чем бы ни шла речь – о формировании школы международных отношений, системе оказания помощи, теории международного права и т. д. – прослеживается идея учета национальных интересов и национальной специфики. Китайские исследователи вслед за политическими лидерами настаивают на идее инаковости, особом пути развития страны, сепарации от западных норм, моделей и образцов. При этом допускается рецепция некоторых концепций и их последующая адаптация в соответствии со стоящими перед государством целями и задачами (например: «Китай не должен использовать западные теории и принципы для трансформации системы внешней помощи; он может лишь заимствовать некоторые элементы западной практики для ре-

³ В Стратегии национальной безопасности США утверждается, что «Китай и Россия разрабатывают современное оружие и ищут способы нанести урон критически важной для США архитектуре управления, безопасности и контроля». См.: *National Security Strategy of the United States of America* (2017, December). Retrieved January 5, 2022, from: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

формирования и совершенствования своей системы внешней помощи. У Китая есть собственные мотивы, философия, принципы и практика иностранной помощи» (Huang & Hu, 2020, p. 522)). Китайских авторов беспокоит доминирование западных концепций и идей, поэтому они настаивают на производстве и продвижении «здоровых альтернативных китайских точек зрения» (Xiao, 2020, p. 392), причем под «нездоровыми» подразумеваются идеи, продвигаемые США и европейскими странами.

Еще одной особенностью является встречающаяся в заголовках научных статей приписка «с китайской спецификой» (*with Chinese characteristics*). Интересно, что консенсуса относительно понимания данной специфики не сложилось. Сами китайские авторы признают, что этот вопрос является недостаточно прозрачным для понимания и нередко критикуют коллег за использование подобных формулировок. В частности, указывается, что китайским ученым следует отличать «идеологическую гонку от исследования национальных интересов, а анализ политики – от академических исследований» (Xiao, 2020, p. 389). Однако это не такая простая задача, «учитывая то, что ведущие ученые и исследователи аналитических центров одновременно могут быть советниками китайского правительства по вопросам международной политики. Отсюда – прямая связь между академическими дебатами и дискурсом официальной политической стратегии» (Noesselt, 2015, p. 444).

Тем не менее, в самом общем смысле, поиск «китайской специфики» можно расценивать как свидетельство защиты национальной идентичности, суверенитета и национальных интересов, стремления укрепить статус страны на мировой арене. По мнению исследователей, нарративы, утверждающие существование «китайской специфики», могут быть нацелены на разные аудитории. Так, в отношении китайского общества они укрепляют уверенность граждан в независимости китайского подхода к политике и оправдывают китайский путь развития, представляя последний как стратегию, основанную на истории и традициях. Обращаясь к международному сообществу и особенно к соседям по региону, китайские концепции стремятся разрядить восприятие угроз, функционируют как элементы «мягкой силы» и публичной дипломатии (Noesselt, 2015, pp. 444–445). Помимо этого, на наш взгляд, имеет место попытка повысить международный статус и постепенно стать более активным игроком. Так, если пять лет назад мы писали о крайне осторожном подходе при использовании политических ресурсов «мягкой силы» (Ковба, 2017, с. 109), то в будущем можно ожидать большей активности в этом направлении. Об этом также свидетельствуют предложения продвигать во внешний мир некоторые удачные элементы китайских управленческих моделей, предлагать их в качестве нормативных и организационно-управленческих решений. Такие рекомендации в английском языке имеют приписку «по китайскому образцу» (*with Chinese solutions*); пример – «реформа системы глобального управления по китайскому образцу» (Liu, 2020, p. 480).

Во-вторых, во многих текстах китайских ученых явно или подспудно звучит идея справедливости. По мнению многих авторов, существующие международные нормы и институты не принимают во внимание интересы развивающихся стран, оказывающихся в результате в уязвимом и подчиненном положении (например: «Иногда международное право выражает волю и ин-

тересы великих держав и жертвует интересами малых государств» (He, 2020, p. 551)). Китаю следует взять на себя роль защитника слабых государств (мотив прослеживается в статьях различной тематики, например, когда заходит речь об оказании помощи африканским государствам, в дискуссиях о роли международного права, при обсуждении формирования нового справедливого мирового порядка и т. д.). При этом Китай будет действовать не только в чужих интересах – он сам хотя и не оказался на обочине системы управления, но явно недополучил некоторые причитающиеся ему привилегии (например: «Существует... несоответствие между экономическим весом Китая и долями квот Китая, его правом голоса во Всемирном банке и МВФ» (Chen & Zhang, 2020, p. 448)).

В-третьих, китайский дискурс международных отношений, международного права и внешней политики не соответствует стереотипным представлениям об его посредственности и единообразии. Напротив, нередко он оказывается довольно оригинальным, критическим, многообразным. Несмотря на то, что по многим проблемам можно выделить господствующее мнение, зачастую отражающее линию партии, им дискуссия не ограничивается. Сегодня в Китае сложилось действительно широкое и разноплановое научное сообщество, представители которого критически оценивают и труды своих коллег, и состояние различных отраслей наук в стране (например: «Теоретическое изучение международного права в Китае отстает от других государств; следует поощрять искренние и глубокие теоретические споры, а также академическую критику...» (He, 2020, p. 567)).

И, наконец, подобно тому, как западные и российские исследователи анализируют содержание работ ученых и текстов выступлений лидеров КНР, китайские авторы также внимательно изучают иностранные статьи и документы, посвященные внешней политике Китая. От их взгляда не ускользают тревоги об увеличении мощи КНР (например: «Русские опасаются становиться «младшим партнером» Китая и стараются не быть втянутыми в конфронтацию между Китаем и США» (Wang & Meng, 2020, p. 479)). При этом китайские авторы опровергают агрессивные и гегемонистские амбиции своей страны. По их мнению, Китаю в ближайшем будущем не следует бросать вызов ни текущему глобальному порядку, ни существующей системе оказания помощи (Huang & Hu, 2020, p. 532), ни США (Wang & Meng, 2020, p. 501), т. к. это приведет к серьезным экономическим и иным рискам, создаст ситуацию напряженности и вызовет дестабилизацию мировой политической системы. При этом в ближайшем будущем мы можем ожидать от Китая предложений по «мягкой» реконструкции глобальной системы управления в его пользу, большего количества глобальных инициатив, а также более активного экспорта нормативных концепций и теорий.

Список литературы

1. Арсентьева, И. И. (2021). Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19. *Вестник МГИМО-Университета*, 14(2), 22–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46>

2. Воскресенский, А. Д. (2020). Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места. *Сравнительная политика*, 11(4), 5–26. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045>
3. Гамерман, Е. В. (2021). Российский Дальний Восток и российские проекты и их интеграция с китайскими инициативами «Один пояс. Один путь» в контексте формирования Большой Евразии. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 37, 50–57. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.50>
4. Дмитриева, М. О. (2019). Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*, (1), 139–146. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-1-139-146>
5. Ковба, Д. М. (2017). «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона [Дис. ... канд. полит. наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина]. Электронный научный архив УрФУ. <http://elar.urfu.ru/handle/10995/50372>
6. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2019). Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы». *Образование и наука*, 21(10), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>
7. Кривохиж, С., Соболева, Е. (2017). Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка. *Мировая экономика и международные отношения*, 61(11), 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
8. Купряшкин, И. В. (2019). Накануне гегемона? Мир-системный подход к перспективе глобального лидерства КНР. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*, (4), 32–42. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-4-32-42>
9. Ломанов, А. В. (2020). Россия и Китай в «Новую эпоху»: вызовы и перспективы. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 25(25), 34–50. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10002>
10. Мосяков, Д. В., Шпаковская, М. А. (2018). Китай переигрывает США в отношениях с АСЕАН. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2(3), 5–11.
11. Помозова, Н. Б. (2021). Социологический дискурс-анализ контекста концепции «мирного развития» Китая. *Вестник экономики, права и социологии*, (2), 122–126.
12. Фишман, Л. Г. (2021). Достойный гегемон «испорченного» мира. *Россия в глобальной политике*, 19(4), 98–110. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-98-110>
13. Шишков, В. В. (2017). Кризис глобальной гегемонии: перенапряжение гипердержавности США в XXI в. *Вестник МГИМО-Университета*, (1), 36–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56>
14. Breslin, S. (2000). *Mao*. Routledge.
15. Breslin, S. (2007). *China and the global political economy*. Palgrave Macmillan.
16. Breslin, S., & Xiao, R. (2020). Introduction: China debates its global role.

The Pacific Review, 33(3–4), 357–361. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728575>

17. Breslin, S., & Xiao, R. (Eds.). (2021). *China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship*. Routledge.

18. Chen, Z., & Zhang, X. (2020). Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. *The Pacific Review*, 33(3–4), 438–468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>

19. Feng, H., & He, K. (2020). The study of Chinese scholars in foreign policy analysis: An emerging research program. *The Pacific Review*, 33(3–4), 362–385. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1738538>

20. He, Z. (2020). International law debates in China: Traditional issues and emerging fields. *The Pacific Review*, 33(3–4), 550–573. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1729231>

21. Huang, M., & Hu, J. (2020). Foreign aid study: Chinese schools and Chinese points. *The Pacific Review*, 33(3–4), 520–549. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728571>

22. Liu, H. (2020). Chinese perception of China's engagement in multilateralism and global governance. *The Pacific Review*, 33(3–4), 469–496. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728570>

23. Noesselt, N. (2015). Revisiting the debate on constructing a theory of international relations with Chinese characteristics. *The China Quarterly*, 92(4), 430–448. <https://doi.org/10.1017/S0305741015000387>

24. Wang, D., & Meng, W. (2020). China debating the regional order. *The Pacific Review*, 33(3–4), 497–519. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728576>

25. Wei, L. (2020). Striving for achievement in a new era: China debates its global role. *The Pacific Review*, 33(3–4), 413–437. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728572>

26. Xiao, R. (2020). Grown from within: Building a Chinese school of international relations. *The Pacific Review*, 33(3–4), 386–412. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728573>

27. Xiao, R., & Carlson, A. (2011). *New frontiers in China's foreign relations*. Lexington Books.

28. Yan, X. (2018). Chinese values vs. liberalism: What ideology will shape the international normative order? *The Chinese Journal of International Politics*, 11(1), 1–22. <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001>

29. Zhang, Y. (2020). The Chinese school, global production of knowledge, and contentious politics in the disciplinary IR. *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*, 9(2), 283–298. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.725252>

References

1. Arsentjeva, I.I. (2021). Politicheskij diskurs stigmatizacii Kitaya v kontekste pandemii COVID-19 [Political discourse on China's stigmatization in the context of COVID-19 pandemic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 14(2), 22–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46>

2. Breslin, S. (2000). *Mao*. Routledge.

3. Breslin, S. (2007). *China and the global political economy*. Palgrave Macmillan.
4. Breslin, S., & Xiao, R. (2020). Introduction: China debates its global role. *The Pacific Review*, 33(3–4), 357–361. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728575>
5. Breslin, S., & Xiao, R. (2021). *China debates its global role: Chinese scholars on Chinese scholarship*. Routledge.
6. Chen, Z., & Zhang, X. (2020). Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era. *The Pacific Review*, 33(3–4), 438–468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>
7. Dmitrieva, M.O. (2019). Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii: sotrudnichestvo ili sopernichestvo [Russia and China in Central Asia: Cooperation or competition]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki*, (1), 139–146. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-1-139-146>
8. Feng, H., & He, K. (2020). The study of Chinese scholars in foreign policy analysis: An emerging research program. *The Pacific Review*, 33(3–4), 362–385. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1738538>
9. Fishman, L.G. (2021). Dostojnyj gegemon “isporchennogo” mira [Worthy hegemon of the “tainted” world]. *Rossija v global'noj politike*, 19(4), 98–110. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-98-110>
10. Gaman, E.V. (2021). Rossijskij Dal'nij Vostok i rossijskie proekty i ih integracija s kitajskimi iniciativami “Odin pojas. Odin put” v kontekste formirovanija Bol'shoj Evrazii [The Russian Far East and Russian projects, their integration with the Chinese “One Belt. One Road” initiatives in the context of Greater Eurasia formation]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie*, 37, 50–57. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.50>
11. He, Z. (2020). International law debates in China: Traditional issues and emerging fields. *The Pacific Review*, 33(3–4), 550–573. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1729231>
12. Huang, M., & Hu, J. (2020). Foreign aid study: Chinese schools and Chinese points. *The Pacific Review*, 33(3–4), 520–549. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728571>
13. Kovba, D.M. (2017). “Myagkaya sila” kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochnoaziatskogo regiona [“Soft power” as a political strategy of the states of the East Asian region] [PhD thesis, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin]. Electronic scientific archive of the Ural Federal University. <http://elar.ufu.ru/handle/10995/50372>
14. Kovba, D.M., & Gribovod, E.G. (2019). Mezhdunarodnaja akademicheskaja mobil'nost' skvoz' prizmu teorii «mjagkoj sily» [International academic mobility through the prism of soft power theory]. *Obrazovanie i nauka*, 21(10), 9–31. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-9-31>
15. Krivokhizh, S., & Soboleva, E. (2017). Drevnost' na sluzhbe sovremennosti: teorija moral'nogo realizma Jan' Sjujetuna i budushhee mirovogo porjadka [The past serving the present: Yan Xuetong's theory of moral realism and the future of the global order]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 61(11), 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>
16. Kupryashkin, I.V. (2019). Nakanune gegemona? Mir-sistemnyj podhod

k perspektive global'nogo liderstva KNR [On the eve of hegemon? A world-system approach to the perspective of the PRC global leadership]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija*, (4), 32–42. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-4-32-42>

17. Liu, H. (2020). Chinese perception of China's engagement in multilateralism and global governance. *The Pacific Review*, 33(3–4), 469–496. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728570>

18. Lomanov, A. V. (2020). Rossiya i Kitaj v “Novuju jepohu”: vyzovy i perspektivy [Russia and China in the “new era”: challenges and perspectives]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*, 25(25), 34–50. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10002>

19. Mosyakov, D. V., & Shpakovskaya, M. A. (2018). Kitaj pereigrivaet SShA v otnoshenijah s ASEAN [China outplays the US in relations with ASEAN]. *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija*, 2(3), 5–11.

20. Noesselt, N. (2015). Revisiting the debate on constructing a theory of international relations with Chinese characteristics. *The China Quarterly*, 92(4), 430–448. <https://doi.org/10.1017/S0305741015000387>

21. Pomozova, N. B. (2021). Sociologicheskij diskurs-analiz konteksta koncepcii “mirnogo razvitija” Kitaja [Sociological discourse analysis of the context of the concept of “peaceful development” of China]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*, (2), 122–126.

22. Shishkov, V. V. (2017). Krizis global'noj gegemonii: perenaprjazhenie giperderzhavnosti SShA v XXI v. [Crisis of global hegemony: The overstretch of us hyperpower in the 21st century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (1), 36–56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56>

23. Voskressenski, A. D. (2020). Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svojego mesta [The logic of the new world political architectonics: Praxis and theory of rethinking multidimensional world and China's search of its place]. *Sravnitel'naja politika*, 11(4), 5–26. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10045>

24. Wang, D., & Meng, W. (2020). China debating the regional order. *The Pacific Review*, 33(3–4), 497–519. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728576>

25. Wei, L. (2020). Striving for achievement in a new era: China debates its global role. *The Pacific Review*, 33(3–4), 413–437. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728572>

26. Xiao, R. (2020). Grown from within: Building a Chinese School of International Relations. *The Pacific Review*, 33(3–4), 386–412. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728573>

27. Xiao, R., & Carlson, A. (2011). *New frontiers in China's foreign relations*. Lexington Books.

28. Yan, X. (2018). Chinese values vs. liberalism: What ideology will shape the international normative order? *The Chinese Journal of International Politics*, 11(1), 1–22. <https://doi.org/10.1093/cjip/poy001>

29. Zhang, Y. (2020). The Chinese school, global production of knowledge, and contentious politics in the disciplinary IR. *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*, 9(2), 283–298. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.725252>

Информация об авторе

Дарья Михайловна Ковба, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: dmkoyaljova@mail.ru

Information about the author

Daria Mikhailovna Kovba, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: dmkoyaljova@mail.ru